

УДК 012; 75
ББК 85.103(2)6

Колязин Владимир Федорович

Доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник,
сектор современного искусства Запада, Государственный институт
искусствознания, 125375, Москва, Козицкий пер., 5
ORCID ID: 0000-0002-5158-3731

koljazin@mail.ru

Ключевые слова: Николай Смирнов, искусство XX века, «исторический
натюрморт», Россия, хронотоп

Колязин Владимир Федорович

Феномен хронотопо- антропологического искусствознания. Размышления по поводу фрагментарного по объему, новаторского по духу труда Александра Якимовича

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

DOI: 10.51678/2226-0072-2025-3-562-575

Для цит.: Колязин В.Ф. Феномен хронотопо-антропологического
искусствознания. Размышления по поводу фрагментарного
по объему, новаторского по духу труда Александра
Якимовича // Художественная культура. 2025. № 3. С. 562–575.
<https://doi.org/10.51678/2226-0072-2025-3-562-575>.

For cit.: Koljazin V.F. The Phenomenon of Chronotope-Anthropological
Art Studies. Reflections on the Monograph by Alexander Yakimovich,
Fragmentary in Volume and Innovative in Spirit. *Hudozhestvennaya
kul'tura* [Art & Culture Studies], 2025, no. 3, pp. 562–575.
<https://doi.org/10.51678/2226-0072-2025-3-562-575>. (In Russian)

Koljazin Vladimir F.

D.Sc. (in Art History), Professor, Leading Researcher, Contemporary
Western Art Department, State Institute for Art Studies, 5 Kozitsky Lane,
Moscow, 125375, Russia
ORCID ID: 0000-0002-5158-3731
koljazin@mail.ru

Keywords: Nikolai Smirnov, art of the 20th century, 'historical still life',
Russia, chronotope

Koljazin Vladimir F.

The Phenomenon of Chronotope-Anthropological Art Studies.
Reflections on the Monograph by Alexander Yakimovich,
Fragmentary in Volume and Innovative in Spirit

Феномен хронотопо-антропологического искусствознания. Размышления по поводу фрагментарного по объему, новаторского по духу труда Александра Якимовича

Abstract. The review analyzes the monographic study by A.K. Yakimovich *The Art of Nikolai Smirnov* (Moscow, 2025), dedicated to the work of Nikolai Nikolaevich Smirnov (1938–2005), the outstanding Moscow master of ‘historical still life’. The monograph is considered in the context of Yakimovich’s art history and cultural philosophical works of recent decades. In the procession of Smirnov’s chronotopes unfolding before the reader’s eyes, the author of this review reveals the researcher’s original multiperspective approach to interpreting the artist’s creative path and compositionally complex, masterfully perfect works depicting objects derived from the spirit of different eras and places.

Аннотация. В рецензии анализируется монографическое исследование А.К. Якимовича «Искусство Николая Смирнова» (М., 2025), посвященное творчеству Николая Николаевича Смирнова (1938–2005) — выдающегося московского мастера «исторического натюрморта». Монография Якимовича рассматривается в контексте его искусствоведческих и культурфилософских трудов последних десятилетий. Раскрывается оригинальный многокурсный подход исследователя к интерпретации творческого пути и композиционно сложных, мастерски совершенных произведений художника с изображенными объектами, производными духа разных эпох и мест, — в разворачиваемой перед глазами читателя процессии смирновских «хронотопов».

Малую монографию Александра Якимовича «Искусство Николая Смирнова» (М., 2025) о московском провозвестнике «ученого натюрморта» нельзя рассматривать в отрыве от контекста культурологических и культурфилософских исследований автора последних десятилетий; в известном смысле она может быть воспринята даже как отдельная большая глава раздела «Поздняя советская цивилизация» в его книге «Полеты над бездной. Искусство, культура, картина мира. 1930–1990» [Якимович, 2009]. Николай Смирнов (1938–2005) для автора столь же близок и дорог, как, скажем, М. Шагал для А. Каменского, и эта поколенческая генетическая связь не только ощущается в его работе, но буквально пронизывает ее, при всей научной бесстрастности авторского стиля.

Пристальный интерес к художнику-нонконформисту и неоконсерватору ощущается уже в первых публикациях о нем (в частности, «“Исторические натюрморты” Николая Смирнова» в «Красной книге культуры?» [Якимович, 1998]), далее в кратких эскизах-виньетках к определенным картинам в известном академическом издании Русского музея 2010 года «Николай Смирнов. Вечное возвращение» [Николай Смирнов, 2010] (к слову, имя одного из соавторов этого каталога Якимовича странным образом не значится в содержании, как положено, рядом с А. Боровским, Е. Руденко, Л. Шишкиным).

Чрезвычайно любопытна и в иконографическом смысле типологична та *игровая дистанция* по отношению к художнику, с которой Якимович ведет свое повествование, — а в игре, как сказано Р.М. Рильке, «не бывает замедленья»⁽¹⁾. Размер дистанции в каждом случае взят намеренно в расчете на ее многосторонность и многоракурсность в противоположность традиционному лобовому описанию. Это связано не только со сложностью и уникальностью объекта художественного анализа, которым являются натюрморты Смирнова, противящиеся банальному разбору, но и с намерением автора сохранить преимущество дистанции для прочности философского взгляда и подхода.

Построена книга, казалось бы, достаточно традиционно: тематические главы следуют одна за другой, стадиально концентрируясь

Феномен хронотопо-антропологического искусствознания. Размышления по поводу фрагментарного по объему, новаторского по духу труда Александра Якимовича

на различных аспектах бытия художника и стилистических пластах его картин, на формировании типа художника-нонконформиста. Но это только на первый взгляд. Назовем этот композиционный прием девятью кругами восхождения: Пролог; Начало; Стать на крыло; Как это сделано и зачем; Годы испытаний; Новые надежды и перспективы; Русские вопросы; Философия художника; Итоги. Всемирная отзывчивость.

В описаниях Якимович, мастер острого слова и острого философского ракурса/дискурса, узнаваем, оставаясь преданным аристократически благородной, размеренной манере письма, отказываясь от искусствоведческих изысков и традиционных штампов (как то: непременно Ж. Лакан, Ж. Бодрийяр и пр. в первом же абзаце, здесь же «референциальность», «флеш редукции репрезентативности», «новая философская репрезентативность искусства» и др.). Свой метод в книге о Смирнове, в отличие от чисто теоретических текстов, автор реализует, пользуясь более мягкими красками.

Якимович, мастер увлекательного искусствоведческого повествования, ведет разговор от первого лица, не жонглируя цитатами, — быть может, все же слишком редко в отдельных местах книги давая слово самому художнику. Исследователь, основываясь на смыслах и пафосе картин Соколова, неоднократно возвращается к основному тезису критика современной цивилизации об «обрушении антропологического естества» (см. упомянутую уже книгу «Полеты над бездной»). И наконец, скажем об основной характеристике способа мышления Якимовича, философа, историка и критика искусства, — об открытости и откровенности стиля, о *преобладающем весе моральной проповеди*, образно говоря, интонациях Зосимы. При этом не станем все рассуждать о процентном соотношении в тексте фразы искусствоведения и моральной проповеди. Они неразрывно слиты, притом что автор, достойный воин с ветряными мельницами, отдает предпочтение приемам обострения, стилистического крещендо, яркому словечку. Надо только уметь услышать эти интонации высокой проповеди.

Приведем несколько примеров, чтобы не быть голословными: «После полувекового перерыва первая заметка о творчестве и выставках Марка Шагала появилась в советской прессе в 1986 году. Сильно припозднились товарищи» [Якимович, 2025, с. 13]; Смирнов «не мог примириться с тем, что какие-то товарищи наверху (как стали

(1) Рильке Р.М. Карусель // Stihi.ru. URL: <https://stihi.ru/2013/06/30/433> (дата обращения 12.04.2025).

говорить позднее — лица, принимающие решения) ограничивают или отмечают созданное художниками. Смирнов умел быть резким и непримиримым» [Якимович, 2025, с. 15]; «Герой повествования, можно сказать, приобрел новое лицо. Он уже не служащий, а свободный художник — со всеми плюсами и минусами такого статуса. Подкованный читатель может возразить, что в тогдашнем Советском Союзе не было свободных художников» [Якимович, 2025, с. 25]; «Утомленное и раздосадованное выходками художников престарелое руководство страны одобрило этот компромисс. Сверху было разрешено принять в Городской комитет графиков довольно обширное и разношерстное множество неофициальных художников... Тем самым вольнодумцы и изгои получали определенный официальный статус...» [Якимович, 2025, с. 26]; «В нем живет какой-то педагогический или “отцовский” инстинкт в отношении современного зрителя. Его глубоко тревожит состояние души и ума наших современников. Он, как и многие другие мастера культуры и искусства, крайне озабочен обеднением внутреннего мира в новых поколениях обитателей нашей планеты» [Якимович, 2025, с. 32]; «Добиваясь иллюзорности, отделявая детали, стремясь к целостности картинной поверхности по примеру старых мастеров, художник выступает за истину, в которую твердо верит. Великое прошлое, создавшее нетленные произведения искусства и провозгласившее прочные устои разума и совести, никогда не может стать “прошлым”, то есть не существующим или не актуальным. О нем невозможно сказать, что оно было и прошло. Великие достижения искусства и литературы не уходят в небытие. Настоящее искусство остается актуальным, в каком бы веке оно ни возникло, от лица какой бы эпохи оно ни выступало. Древнерусские иконы и шедевры Ренессанса столь же актуальны сегодня, как и произведения Ван Гога и Пикассо. <...> Его концепция, вообще говоря, поистине грандиозна: он ставит своей задачей утвердить вечные ценности в противовес деградации современного духа. Высоко берет, однако» [Якимович, 2025, с. 35].

Достаточно цитат, можно не продолжать, лишь вдумчиво читать книгу далее. Обратим внимание на особое эпицентральное положение в книге аналитического фрагмента на страницах 32–39, задающего тон и формулу анализа дальнейшим главам. Здесь в отточенных фразах дано понимание и интерпретация личного «архетипа» художника

Феномен хронотопо-антропологического искусствознания. Размышления по поводу фрагментарного по объему, новаторского по духу труда Александра Якимовича

Ил. 1. Смирнов Н.Н. Маскарад. 1983. Дерево, холст, левкас, темпера. 80×60 см. Частное собрание. Источник: Якимович А.К. Искусство Николая Смирнова / Сост. Л. Шишкин, арт-директор В. Музыченко, ред. Е. Артемьева. М., 2025. С. 64. URL: https://www.nikolaismirnov.com/ru/_files/ugd/08b117_5e051af2718245448d92f0caa7317938.pdf

Fig. 1. Smirnov N.N. Masquerade. 1983. Wood, canvas, gesso, tempera. 80×60 cm. Private collection. Source: Yakimovich A.K. The Art of Nikolai Smirnov / Comp. L. Shishkin, art director V. Muzychenko, ed. by E. Artemyeva. Moscow, 2025. P. 64. URL: https://www.nikolaismirnov.com/ru/_files/ugd/08b117_5e051af2718245448d92f0caa7317938.pdf

Смирнова, которым он, безусловно, обладал. Поведано о рождении его внутреннего космоса, собственного художественного языка, основные параметры которого — это философия утраченной в негативном ходе истории вещи, найденной, открытой, и восстановленной художником в ее истинном значении; уникальная техника репродуцирования и композиции, в обобщенном виде обозначенная как режиссура «театра вещей», которую можно было определить и как монтаж вещей, по аналогии с эйзенштейновским «монтажом аттракционов».

Как жанр натюрморта, так и «натюрмортведение» обладают достаточно давней традицией. Александр Якимович относится к последнему с должным уважением, однако ищет свой собственный путь

интерпретации, трактуя натюрморт как вариант морфологически сложной и богатой, то закрытой, то открытой хронограммы (только ли хронограммы?). Компоную вещи, художник воссоздает систему связей с определенным историческим временем. Вне потока времени и отношения человека, художника к вещи/вещам натюрморта для Смирнова не существует. Так, Александр Боровский в своем портрете выстраивает «концепцию вживания» художника в объект изображения, игры с вещью, приемов «пересчета планов» и «мотива соскальзывания» [Николай Смирнов, 2010, с. 85, 88]. Оппонируя этой смелой точке зрения, Якимович «пляшет» от другого, полагая, что Смирнов-художник оценивает вещь и ее отражения в сознании художника в разворотах исторического процесса. Послание истории нужно не потерять, схватить его и зафиксировать на плоскости, ибо «остановись мгновение, ты прекрасно».

В целом ряде анализов различных натюрмортов Якимович демонстрирует эту восстановленную связь времен и технические способы этого восстановления. Его описания красочны и лапидарны. Обладая поистине рембрандтовским вкусом к цвету и фактуре в смирновских натюрмортах, Якимович — арт-критик высоко ценит темный фон, полутона, приемы лессировки, выводя их на первый план. Будь то анализ «Бабушкиных романсов» (1982), «Маскарада» (1983), «Розовой куклы» (1984), «Серебряного века» (1986), «Памяти Блока» (1987), «Великого Петра» (1990), «Царской охоты» (2004–2005), наконец, «Распятия» (1993), — всюду ощущается блеск нетривиальной интерпретации произведения как философской мантры, магического кристалла...

Так вырисовывается картина торного пути художника-мыслителя, вольнодумца, христиански мыслящего оппозиционера, собирателя и хранителя вещей, артефактов подлинной культуры, утраченных, не вошедших в культурный обиход нации. Особое внимание уделено философским темам. А именно теме художника как раздражающего фактора при «совке» (пардон, жаргонизм) и тому, как вынес и во что вынес это Николай Смирнов, мотиву бессилия художника изменить жизнь при том и другом строе.

Скрывающиеся под хитроумным жанровым определением «обманки», натюрморты Смирнова не какие-нибудь безмятежные, утихомиривающие объекты Ж.Ф. ван Даля или напоенные

Феномен хронотопо-антропологического искусствознания. Размышления по поводу фрагментарного по объему, новаторского по духу труда Александра Якимовича

Ил. 2. Смирнов Н.Н. Распятие. 1993. Дерево, холст, левкас, темпера. 85×65 см. Частное собрание. Источник: Якимович А.К. Искусство Николая Смирнова / Сост. Л. Шишкин, арт-директор В. Музыченко, ред. Е. Артемьева. М., 2025. С. 85. URL: https://www.nikolaismirnov.com/ru/_files/ugd/08b117_5e051af2718245448d92f0caa7317938.pdf

Fig. 2. Smirnov N.N. The Crucifixion. 1993. Wood, canvas, gesso, tempera. 85×65 cm. Private collection. Source: Yakimovich A.K. The Art of Nikolai Smirnov / Comp. L. Shishkin, art director V. Muzychenko, ed. by E. Artemyeva. Moscow, 2025. P. 85. URL: https://www.nikolaismirnov.com/ru/_files/ugd/08b117_5e051af2718245448d92f0caa7317938.pdf

роскошью — Я.Д. де Хема или Виллема Кальфа. За такие наш автор не взялся бы. Мотив сакрамента в визионерском строе работ художника, преклоняющегося перед эпохами расцвета — Ренессансом, Просвещением, русским XIX веком, — особенно дорог Якимовичу-философу. Как это актуально — стремление Смирнова-художника жить одной жизнью со старой Европой! Притом что он, гражданин мира, в зрелом возрасте отнюдь не страдает от европоцентризма и высоко ценит «русский феномен» [Якимович, 2025, с. 62].

Ставится вопрос, какие идеи подает художник своими натюрмортами-хронотопами (об этом термине позднее), какую эстетическую функцию они выполняют — трансформации или воскресения,

Ил. 3. Смирнов Н.Н. Чаепитие. 2000. Из серии «Провинциальная жизнь кота Арчибальда». Картон, цветные карандаши, темпера. 100×80 см. Частное собрание. Источник: Николай Смирнов. Вечное возвращение / Науч. рук. Е. Петрова, авт. ст. А. Боровский, Е. Руденко, Л. Шишкин. СПб.: Palace Editions, 2010. С. 128

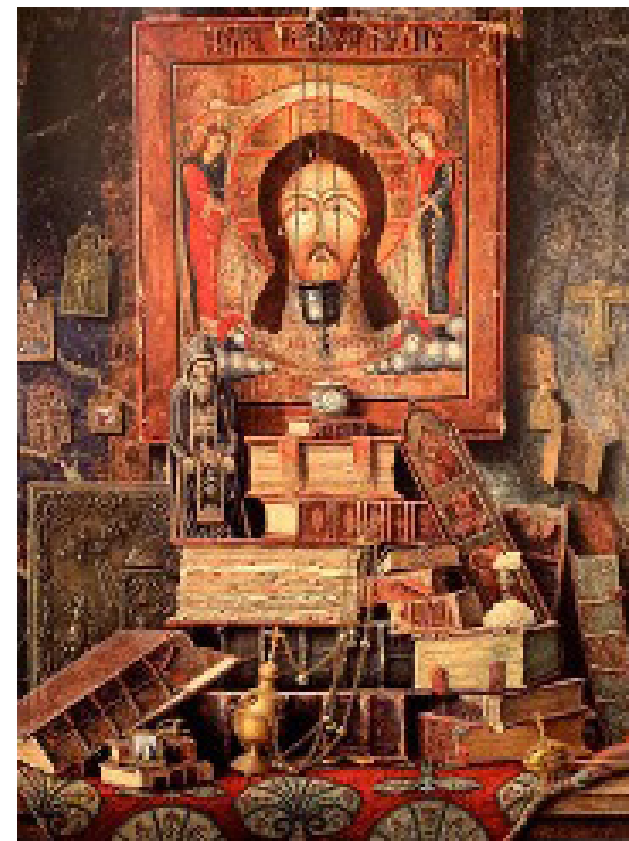
Fig. 3. Smirnov N.N. The Tea Party. 2000. From the Provincial Life of Archibald the Cat series. Cardboard, colored pencils, tempera. 100×80 cm. Private collection. Source: Nikolai Smirnov. The Eternal Return / Sc. dir. by E. Petrova, auth. by A. Borovsky, E. Rudenko, L. Shishkin. St. Petersburg, Palace Editions Publ., 2010. P. 128

по принципу Я. Брейгеля Старшего, «Аллегорию зрения» (1617, Музей Прадо, Мадрид) которого из цикла «Пять чувств» (совместно с П.П. Рубенсом, 1617–1618) вполне можно ставить в параллель с «Зажженной лампадой» (1996–1998) или «Христом из Потоси» (1993) Смирнова. Одновременно поднимается традиционный русский вопрос, и не только в картинах «Распятые книги» (1977) и «Памяти 1812 года» (1984–1985)⁽²⁾, — «способна ли помочь нам сегодня сия мудрость прошедших веков?» [Якимович, 2025, с. 73]. Ответ и находим, и теряемся в поисках ответа, безбожники ибо...

Якимович увлекает и заражает Смирновым — художником, изгоем и Дон Кихотом, или, словами автора, «воителем духа», который со своей живописью «фатален», погружен в искусство прошлых эпох с головы до пят, фантастичен в смене векторов и ракурсов. Который возродил

(2) Все упомянутые здесь работы находятся в частных собраниях, если не указано иное.

Феномен хронотопо-антропологического искусствознания. Размышления по поводу фрагментарного по объему, новаторского по духу труда Александра Якимовича

Ил. 4. Смирнов Н.Н. Зажженная лампада. 1996–1998. Дерево, холст, левкас, темпера. 146,3×124 см. Частное собрание. Источник: Николай Смирнов. Вечное возвращение / Науч. рук. Е. Петрова, авт. ст. А. Боровский, Е. Руденко, Л. Шишкин. СПб.: Palace Editions, 2010. С. 69

Fig. 4. Smirnov N.N. The Lighted Lamp. 1996–1998. Wood, canvas, gesso, tempera. 146.3×124 cm. Private collection. Source: Nikolai Smirnov. The Eternal Return / Sc. dir. by E. Petrova, auth. by A. Borovsky, E. Rudenko, L. Shishkin. St. Petersburg, Palace Editions Publ., 2010. P. 69

жанр натюрморта как высокий жанр, вернул ему утраченную философскую природу, стиливую напряженность и глубокую символику. Который бесконечен в смирновской *игре со стилями* — романтизм, Просвещение, бидермайер, петровское барокко, лубок, примитив... Который, по словам историка и критика, «мечтает о том, чтобы память искусства была близка к абсолюту, чтобы и для нас сегодня Ренессанс, эпоха Просвещения и девятнадцатый век не были бы чем-то прошлым и отжившим (пусть и прекрасным)» [Якимович, 2025, с. 55]. Анализируя картины художника с их предметами, принадлежащими разным эпохам и местам, Якимович будто пролистывает перед глазами читателя вереницу смирновских «хронотопов».

Картина — хронограф, картина — хроника уничтоженной культуры, винтаж, лубок, примитив, былина, реплика, камей, шифрограмма, антиквариат, лавка древностей, блошинный рынок. Якимович-теоретик не употребляет бахтинский термин, но так он, с нашей точки зрения, понимает и трактует картины Смирнова в органичной слитости жанра, техники исполнения, принадлежности к эпохам и открытого художественного и исторического смысла высказывания художника.

Созданная Александром Якимовичем малая монография о Николае Смирнове сама по себе и философско-искусствоведческий комментарий, и философский трактат о дуализме, точнее, выражаясь авторским термином, двойном генетическом коде русской пассионарности и русского нигилизма. На полях работы думаешь то с радостью, то с сокрушительным пессимизмом: «Ведь наша работа искусствоведа также, по существу, создание “ученого натюрморта”»...

Приходя к финалу наших размышлений, не претендующих на рецензию, заметим: смешно было бы давать какие-либо советы Якимовичу-мыслителю. Так или иначе, работа выглядит законченной, автору самому судить, какие дополнения или уточнения ему необходимы. Он в полном смысле слова может сказать столь анахроничное, сколь и эмблематичное: «Мой Смирнов». Между тем интересно было бы прочесть, как автор позиционирует борьбу стилей в полотнах Смирнова, таких ярких, карнавально-ярмарочных, намеренно альтернативных пресному «большому советскому эйскепизму» (А. Петухов). Стоило, быть может, дать в одном-двух примерах не виньеточный, «влитой», как всегда, а развернутый, на страницу-полторы, анализ отдельной картины вслед феноменальному разбору «Памяти Блока», с тем чтобы читатель мог вволю насладиться ароматом и дыханием искусствоведческого стиля. Есть поэты, которые бывают настолько впечатлены одним натюрмортом, что не отказывают себе в удовольствии написать о нем целую книгу, как Марк Доти [Doty, 2001] о «Натюрморте с бокалом и устрицами» Я.Д. де Хема (1640, Музей Метрополитан, Нью-Йорк). Александр Якимович — столь же увлекающийся ценитель искусства, строгий певец художника, неспособный быть «фальшивой струной».

Феномен хронотопо-антропологического искусствознания. Размышления по поводу фрагментарного по объему, новаторского по духу труда Александра Якимовича

Список литературы:

- 1 Николай Смирнов. Вечное возвращение / Науч. рук. Е. Петрова, авт. ст. А. Боровский, Е. Руденко, Л. Шишкин. СПб.: Palace Editions, 2010. 152 с.
- 2 Якимович А.К. «Исторические натюрморты» Николая Смирнова // Красная книга культуры? / Сост., ред. В.Л. Рабинович. М.: Искусство, 1998. URL: <https://www.nikolaismirnov.com/ru/publications?lightbox=dataitem-m3fsxytb2> (дата обращения 12.04.2025).
- 3 Якимович А.К. Полеты над бездной. Искусство, культура, картина мира. 1930–1990. М.: Искусство — XXI век, 2009. 464 с.
- 4 Якимович А.К. Искусство Николая Смирнова / Сост. Л. Шишкин, арт-директора В. Музыченко, ред. Е. Артемьева. М., 2025. 96 с. URL: https://www.nikolaismirnov.com/ru/_files/ugd/08b117_5e051af2718245448d92f0caa7317938.pdf (дата обращения 12.04.2025).
- 5 Doty M. Still Life with Oysters and Lemon: On Objects and Intimacy. Boston: Beacon Press, 2001. 70 p.

References:

- 1 Nikolai Smirnov. *Vechnoe vozvrashchenie* [Nikolai Smirnov. The Eternal Return], sc. dir. E. Petrova, auth. A. Borovsky, E. Rudenko, L. Shishkin. St. Petersburg, Palace Editions Publ., 2010. 152 p. (In Russian)
- 2 Yakimovich A.K. "Istoricheskie natyurmorty" Nikolaya Smirnova ["Historical Still Lifes" by Nikolai Smirnov]. *Krasnaya kniga kul'tury?* [Red Book of Culture?], comp., ed. V.L. Rabinovich. Moscow, Iskustvo Publ., 1998. Available at: <https://www.nikolaismirnov.com/ru/publications?lightbox=dataitem-m3fsxytb2> (accessed 12.02.2025). (In Russian)
- 3 Yakimovich A.K. *Polety nad bezdnoi. Iskustvo, kul'tura, kartina mira. 1930–1990* [Flights over the Abyss. Art, Culture, Worldview. 1930–1990]. Moscow, Iskustvo — XXI vek Publ., 2009. 464 p. (In Russian)
- 4 Yakimovich A.K. *Iskustvo Nikolaya Smirnova* [The Art of Nikolai Smirnov], comp. L. Shishkin, art director V. Muzychenko, ed. E. Artemyeva. Moscow, 2025. 96 p. Available at: https://www.nikolaismirnov.com/ru/_files/ugd/08b117_5e051af2718245448d92f0caa7317938.pdf (accessed 12.04.2025). (In Russian)
- 5 Doty M. Still Life with Oysters and Lemon: On Objects and Intimacy. Boston, Beacon Press, 2001. 70 p.